

«Круглый стол»: «Геммы древнего Востока»

© 2000 г.

ПЕЧАТИ МИТАННИЙСКОГО СТИЛЯ ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

Находки печатей митаннийского стиля на территории Кавказа известны уже с начала века и количество их медленно, но неуклонно растет. К настоящему времени насчитывается уже 13 цилиндрических печатей с сюжетными изображениями, относящимися к указанному стилю, причем 10 из них заведомо найдены на территории Южного Закавказья, к югу от р. Куры¹. Б.Б. Пиотровский писал еще о двух подобных печатях, ныне утраченных, которые находились в музее г. Эчмиадзин². Как известно, печати митаннийского стиля были распространены значительно шире границ царства Митанни, и П. Франкфорт указывал на определенную условность самого термина «митаннийский»³.

Закавказские печати митаннийского стиля неоднократно рассматривались на фоне переднеазиатских, среди которых они имеют достаточно близкие аналогии⁴. Наиболее полный анализ и почти полный свод кавказских печатей приведен в последней статье Б.Б. Пиотровского⁵, где специально разбирались и представленные на них сюжеты. Список переднеазиатских аналогий может быть расширен, однако необходимости в этом нет. Не повторяя всего сказанного, отметим лишь основные, важные для предлагаемого сообщения моменты. Принадлежность найденных в Закавказье печатей к переднеазиатскому типу не вызывает сомнений. Об этом свидетельствуют как особенности представленных на них изображений – сюжеты, композиция, иконография и стиль, – так и технические приемы, подразумевающие сочетание круглого сверла и резца. Все они относятся к обычному (Common Mitanian)⁶ стилю, широко распространенному в Передней Азии в XV–XIV в.

* Работа подготовлена при поддержке РФФИ грант № 97.06.80122.

¹ В это число не включены две печати из Мингечаура, отличающиеся специфическими особенностями см. *Карахмедова А.А.* Хурритские печати из Мингечаура // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990) и цилиндры, покрытые сплошными ломаными линиями из Артика, Парни-Геха и Лори-Берда (см. *Хачатрян Т.С.* Древняя культура Ширака. Ереван, 1975. Рис. 77, 3. С. 188; *Деведжян С.Г.* Лори-Берд I. Результаты раскопок 1969–1973 гг. Ереван, 1981. С. 37. Табл. IX, 3), так как не исключена возможность их местного производства, хотя подобный мотив на переднеазиатских цилиндрах встречается (см., например: *Negahban E.O.* Marlik. The Complete Excavation Report. V. II. Philadelphia, 1996. Pl. 98, 480, 481).

² *Пиотровский Б.Б.* Дополнение к статье Я.И. Гуммеля «Распопки к юго-западу от Ханлара в 1941 г.» // ВДИ. 1992. № 4. С. 15.

³ *Frankfort H.* Cylinder Seals. A Documentary Essay on the Art and Religion of the Ancient Near East. L., 1939. P. 279.

⁴ *Schaeffer C.* Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. L., 1948. P. 410. Fig. 30, 1, 2; *Пиотровский Б.Б.* Урартские надписи из раскопок Кармир-блур (вместо предисловия) // *Дьяконов И.М.* Урартские письма и документы. М.-Л., 1963; *Хачатрян Т.С.* Древняя культура Ширака. Ереван, 1975. С. 188. Рис. 77; *он же.* Аргикский некрополь. Каталог. Ереван. 1979. Погр. 53. 422, 625; *Джафаров Г.Ф.* Связи Азербайджана со странами Передней Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по археологическим материалам). Баку, 1984. С. 34–40. Табл. III; *Aslanov G., Kashkay S.* Cylinder Seals from the Nachichevan District // Докл. IV Междунар. конф. ассириологов социалистических стран. Poznan, 1989.

⁵ *Пиотровский.* Дополнение к статье Я.И. Гуммеля... С. 13–15. Рис. 5.

⁶ *Porada E.* Seal Impressions of Nuzi // AASOR. 1974. XXIX. P. 12.

до н.э., а по мнению некоторых специалистов сохранявшемуся и до XIII в. до н.э.⁷ Все закавказские печати сделаны, по определению исследователей, из белой пасты. Если они и были, как большинство переднеазиатских, покрыты глазурью, следов ее, за исключением печатей или бусин из Мингечаура, не сохранилось. Переднеазиатские аналоги закавказским печатям находятся по всему ареалу печатей митаннийского стиля и соответственно не могут указывать на какой-то определенный источник их поступления (см. рис.).

Тем не менее закавказские находки имеют непосредственное значение для понимания той историко-культурной ситуации, которая сложилась в Закавказье в период их распространения на данной территории. Но прежде всего нужно сделать одну небольшую оговорку. Как известно, неоднократно указывалось на то, что само понятие «Закавказье» имеет достаточно позднее происхождение и связано с включением данных территорий в состав России в начале XIX в.⁸ Однако же, хотя северные и южные границы Закавказья, т.е. территории, ограниченной с севера Большим Кавказским хребтом, а с юга – рекой Аракс, никогда не были непроницаемы для культурных контактов, передвижений населения, не представляли преграды для политических образований и ареалов отдельных археологических культур как с севера, так и с юга, определенное своеобразие данной территории сохранялось на протяжении столетий. В полной мере это относится к эпохе поздней бронзы и раннего железа, когда Закавказье, тесно связанное с Передней Азией, представляло собой тем не менее совершенно особый культурный регион.

Условия находок печатей позволяют заключить, что все они использовались здесь в сравнительно ограниченный отрезок времени, очевидно, в основном совпадающий с периодом их функционирования в Передней Азии. Так, большинство печатей в Закавказье обнаружено в комплексах, относящихся к началу позднебронзового периода (печати из Артика, Лчашена, Шамирама, Мецамора, Хараба-Гилян, Ханлара, Ага-Евлара, Хасан-Замини), когда переднеазиатские печати стали активно распространяться в Закавказье. Находки митаннийских печатей послужили серьезным аргументом для определения абсолютной даты этого периода, подтверждаемой анализом и других материалов.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что комплексы, содержащие печати, за небольшими исключениями, отличает и отчетливая культурная близость, свидетельствующая о том, что как проникновение, так и использование митаннийских печатей в Закавказье связано не только с единым временем, но и с определенным историко-культурным явлением. Таким явлением были элитные памятники лчашенского типа и наиболее яркие из них – широко известные Лчашенские курганы, располагавшиеся на северо-западном побережье озера Севан⁹. При этом между исследователями нет полного взаимопонимания ни относительно характера культурного пласта, определяемого памятниками лчашенского типа, ни его ареала. Наряду с определением «памятники типа» встречаются названия «лчашенская культура», «севанская культура», упоминаются их ближайшие параллели с некоторыми памятниками, расположенными на территории Грузии¹⁰. Думается, что памятниками лчашенского типа представлена общность, археологически засвидетельствованная прежде всего в элитных погребениях. Погребения эти объединены

Рис. Печати митаннийского стиля с территории Закавказья и Передней Азии:

1–13 – печати, найденные в Закавказье: 11–12 – по Б.Б. Пиотровский. Дополнение к статье Я.И. Гуммеля. Табл.; 13 – по Т.С. Хачатрян. Древняя культура Ширака. Рис. 77, 2.

1 – Ханлар, 2 – Шахтахты, 3 – Мецамор, 4 – Шамирам, 5 – Хасан-Замини (Тальш), 6, 7, 9 – Хараба-Гилян, 8 – Ага Евлар, 10 – Лчашен, 11 – Лори-Берд, 12, 13 – Артик

14–25 – печати из Передней Азии: 14 – по Е. Porada. Introduction. Fig. 1–9; 16–19 – по Н. Frankfort. Pl. XLIII, e, j, d, c; 20 – (фрагмент) – Pl. XLII, o; 21 – по Пиотровский. Дополнение... Табл. 6; 22 – Pl. XXI, c; 15, 23, 25 – по Е.О. Negahban. Marlik. V. I. III. 13. 469; III. 16. 472; III. 17. 473; 24 – по Хачатрян. Древняя культура Ширака. Рис. 77, 4.

⁷ Eadem. Introduction // Ancient Art in Seals. Essays by Pierre Amiet, Nimet Özgöç and John Boardman. Edited and Introduced by Edith Porada. Princeton, 1980.

⁸ См. об этом подробнее: Арешян Г.Е. Археология и исторический синтез // ВДИ. 1994. № 4.

⁹ Мнацаканян А.О. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. (предварительное сообщение) // СА. 1957. № 2: он же. Древние повозки бронзового века на побережье оз. Севан // СА. 1960. № 2; Мартиросян А.А. Армения в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Ереван, 1964. С. 93–107 и др.

¹⁰ Мартиросян. Ук. соч. С. 111–113; Burney Ch., Lang D.M. The Peoples of the Hills. Ancient Ararat and Caucasus. L., 1971. P. 104; Пицхелаури К.Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979. С. 95; Тбилиси. Археологические памятники. I. С. 18 и др.

Рис.

сочетанием целого ряда позиций – особенностями погребального обряда и инвентаря. Ареал таких памятников ограничен территорией, простирающейся к западу, югу и северо-западу от озера Севан, причем его северная граница проходит в районе современного г. Степанавана в Северо-Западной Армении. В памятниках других районов Закавказья сходство с лчашенскими органичивается, как правило, лишь отдельными элементами инвентаря. Находки подавляющего большинства печатей митаннийского стиля достаточно четко совпадают с указанным ареалом, что подтверждает правомочность выделения этого стиля, за исключением печатей, обнаруженных в могильниках Талыша – Ага-Евлар и Хасан-Замини и в погребении у г. Ханлара в Восточном Закавказье. Что касается Талыша, его памятники всегда обнаруживали четкое культурно-историческое своеобразие и непосредственную связь с Передней Азией, результатом чего и стало появление здесь митаннийских печатей. Ханларские же «погребения с оленями» занимают среди закавказских памятников особое место. Именно печать, найденная в одном из этих погребений, послужила поводом для упоминавшейся выше статьи Б.Б. Пиотровского. Памятник, исследованный Я.И. Гуммелем, не имеет аналогов ни в Закавказье, ни за его пределами. Специфическая его особенность заключается в захоронениях вместе с людьми оленей, с украшенными рогами и ногами. В двух случаях именно олени занимали центральное место в погребениях, а в одном были положены у деревянной погребальной повозки (или погребальных саней) в таком положении, которое позволяет предполагать их запряжку в это средство передвижения¹¹. Ханларские могилы, расположенные в Восточном Закавказье на р. Гянджачай, правом притоке реки Куры, не входят в ареал лчашенских элитных памятников и достаточно сильно от них отличаются, что не позволяет на их основании расширить лчашенский ареал на восток. Однако проведенный автором данной статьи специальный анализ ханларских погребений позволил сформулировать вывод о принадлежности «погребений с оленями» группе людей, пришедших в Восточное Закавказье, в район реки Гянджачай, в начале эпохи поздней бронзы малозаселенный, непосредственно из ареала памятников лчашенского типа и скорее всего из Араратской долины, где их идеологические представления складывались под непосредственным влиянием малоазийских¹².

В свете сказанного становится очевидно, что распространение в Закавказье печатей митаннийского стиля непосредственно связано с тем культурным феноменом, выражением которого являются памятники лчашенского типа. Вряд ли есть основание отождествлять ареал памятников лчашенского типа с отдельной археологической культурой, так как особое сходство прослеживается только на уровне элитных погребений и бронзовой металлургии. Тем не менее очевидно возникновение в рамках отмеченного ареала тесных связей, что свидетельствует о близости включенных в него племен, вероятно, в какой-то степени отделявших себя от соседей с востока и с севера. Уже неоднократно отмечалось, что формирование этих ярких комплексов, знаменовавших наступление позднебронзового периода в Южном Закавказье, было связано с четким культурным импульсом из западных районов Передней Азии. В доказательство приводились отдельные формы защитного и оборонительного вооружения, детали колесниц, украшения, переднеазиатское происхождение которых не вызывает сомнения¹³. Появление печатей, очевидно, входило в русло переднеазиатских, по преимуществу западноазиатских инноваций. Нужно отметить, что хотя связи с переднеазиатскими регионами в той или иной форме прослеживаются на всем протяжении эпохи поздней бронзы и раннего железа Закавказья, наиболее четко западноазиатский импульс проявляется в начальный позднебронзовый период, позже он в значительной степени ослабевает. Вероятно, что в период формирования лчашенского культурного комплекса контакты охваченного им региона с переднеазиатским миром приняли особенно интенсивный характер, возможно, подразумевающий и частичные передвижения отдельных людей или небольших их групп. Сказанное не означает признания определяющей роли подобных контактов в сложении лчашенских комплексов и прежде всего металлургии. Комплекс материальной культуры Южного Закавказья эпохи поздней бронзы вызревал в недрах предшествующих автохтонных культур, когда был подготовлен

¹¹ Гуммель Я.И. Раскопки к юго-западу от Ханлара в 1941 г. // ВДИ. 1992. № 4.

¹² Погребова М.Н. «Погребения с оленями» из раскопок Я.И. Гуммеля и их место в системе закавказских памятников // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. Тез. докл. СПб., 1998.

¹³ Пиотровский. Урартские надписи из раскопок Кармир-блур. С. 11–12; *Миртиросян*. Ук. соч. С. 93–107; *Хачатрян*. Древняя культура Ширака. С. 173 сл.; *Деведжян*. Ук. соч. С. 27–37.

тот расцвет бронзовой металлургии, который и знаменовал переход к качественно новому историко-культурному этапу.

Как уже отмечалось, для определения абсолютной хронологии памятников лчашенского типа или начала позднебронзового периода находки печатей митаннийского стиля в Южном Закавказье имеют определяющее значение, вследствие чего конец XV–XIV в. до н.э. представляется для данного периода наиболее предпочтительной датой. Как известно, в настоящее время наметилась тенденция к удревнению начальной фазы эпохи поздней бронзы в Закавказье и, в частности, на территории Грузии до середины XVI – начала XIV в. до н.э. или даже второй половины XVI–XV в. до н.э.¹⁴ Не вдаваясь сейчас подробно в этот вопрос, хотелось бы лишь заметить, что как далеко ни прослеживается переходный к эпохе поздней бронзы период, выделяемый преимущественно по керамике, начало блестящей бронзовой металлургии, знаменующей в Закавказье эту эпоху, не может быть отнесено ко времени, предшествующему маркируемому в значительной степени митаннийскими печатями. Как уже отмечалось, печати эти использовались в Закавказье в сравнительно непродолжительный отрезок времени, очевидно, совпадающий с их бытованием на территории Передней Азии.

Однако значение митаннийских печатей для истории Закавказья не исчерпывается вышесказанным. Условия их использования здесь дополняют представления об уровне экономического развития населения Южного Закавказья в соответствующий период. Так, не вызывает сомнения тот факт, что употребление печатей на большей части их переднеазиатского ареала и в Закавказье было различным. Само их количество, более чем скромное сравнительно с находками, например в Нузи, наряду с практическим отсутствием печатей в позднебронзовых слоях поселений свидетельствует против возможности их использования по прямому назначению. Характерно и то, что в погребениях они находились вместе с бусами и, очевидно, в том же качестве, что было отмечено Я.И. Гуммелем при описании расположения инвентаря в могиле 149 «погребений с оленьими» и Т.С. Хачатряном при описании соответствующих катакомб Артика¹⁵. Очевидно, что в закавказском обществе не возникло необходимости в применении печатей. С наступлением эпохи поздней бронзы здесь ощутимо увеличился слой «военной аристократии», о чем можно судить по сильно выросшему количеству погребений с набором вооружения, хотя и уступавшим по инвентарю и пышности обряда упоминавшимся выше элитным погребениям¹⁶. В развитии же хозяйства и экономики существенных изменений, которые могли бы привести к необходимости использования печатей, очевидно, не произошло. Как одну из причин подобной ситуации можно, думается, рассматривать факт усиленного и неоправданного с экономической точки зрения количества бронзового инвентаря, весьма трудоемкого в производстве, которым сопровождалось не только особенно богатые и сложные по обряду, но и значительно более скромные погребения. Экономика буквально зарывалась в землю. Возможно, это обстоятельство послужило и одной из причин того, что настоящих государственных образований в Закавказье и, в частности, в ареале памятников лчашенского типа в описываемую эпоху так и не сложилось.

Независимо от того, как использовались печати, – в качестве бус или амулетов – и как трактовали изображения на них их закавказские обладатели, вряд ли есть основания считать, что эти сюжеты или использованные для их воспроизведения стилистические приемы и технические средства оказали сколько-нибудь ощутимое влияние на искусство населения Закавказья позднебронзовой эпохи. Печати в подавляющем большинстве остались предметами импортными и органично в местную культуру не вошли. Правда, была сформулирована гипотеза о влиянии изобразительного искусства, представленного изображениями на хурритских (митаннийских) печатях, на искусство Восточного Закавказья, в частности на орнаментацию белоинкрустированной керамики и больших блях, сделанных из сурьмы¹⁷. Несмотря на интересные наблюдения автора данной гипотезы, думается, что это явления совершенно независимые. Не говоря уже о том, что в качестве прототипа

¹⁴ *Кавтарадзе Г.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983. С. 146; *Рашишвили А.Т.* Проблемы археологии финальных стадий эпохи поздней бронзы внутренней (Шида) Картли: Автореф. дис.... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1998 (на рус. и груз. яз.). С. 54 сл.

¹⁵ *Гуммель.* Ук. соч. С. 7; *Хачатрян.* Древняя культура Ширака. С. 188.

¹⁶ *Массон В.М.* Древние гробницы вождя на Кавказе: некоторые аспекты социологической интерпретации // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973; *Кушнарёва К.Х.* К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа // КСИА. 1973. 134.

¹⁷ *Карахмедова.* Ук. соч.

закавказской орнаментации рассматривается одна печать, найденная вне комплекса в Мингечауре, с достаточно своеобразным по стилю изображением, можно утверждать, что орнаментация белоинкрустированной керамики, центр которой имел четкую географическую привязку к району р. Гянджачай, хотя и возникла, насколько мы можем судить, сразу как вполне сложившийся феномен, имеет тем не менее четко прослеживаемые закавказские истоки. «Внезапность» такого появления, заставившая многих исследователей, в том числе в свое время и автора данной статьи, предполагать возможность ее заимствования, скорее следует объяснить особыми культурно-историческими условиями, сложившимися в данном районе Восточного Закавказья в начале позднебронзовой эпохи, что и способствовало быстрому формированию новой системы образов, составленной из ранее известных элементов, но обоснование высказанного тезиса является темой отдельной работы. Отметим лишь, что та эволюция, которую при разработке дробной хронологии удается проследить в орнаментации белоинкрустированной керамики, сводится к развитию от чисто геометрического узора к изображению людей и животных, что вряд ли могло бы иметь место при использовании в качестве прототипа митаннийских печатей. Те же переднеазиатские мотивы, которые улавливаются в орнаментации некоторых бронзовых и сурьмяных изделий, не связаны непосредственно с глиптикой.

К другому типу относится хорошо известный золотой цилиндр из Арчадзорского кургана в Восточном Закавказье¹⁸, изображение на котором близко изображениям на печатях второй сирийской группы¹⁹, и имишлинская цилиндрическая печать²⁰, относящаяся, как представляется, к среднеассирийской группе²¹. Обе эти печати принадлежат несколько более поздним периодам и соответственно вписываются в другой закавказский контекст, анализ которого не входит в задачи данной статьи.

М.Н. Погребова

MITANNIAN-STYLE SEALS AND THE HISTORY OF TRANSCAUCASIA

M.N. Pogrebova

By now 13 cylinder seals have been recovered in Southern Transcaucasia. Their subjects, composition and iconography are akin to those of common Mitannian seals spread over the Near East from Iran to Cyprus in the 15th–14th cc. BC.

The paper is focused on the role of these finds in the Transcaucasian historical and cultural context. Most of the seals under investigation were found in archaeological complexes and can therefore be safely attributed to the initial stage of Late Bronze Age. The seals served as a guide for the absolute dating of that epoch in Transcaucasia.

The location of Mitannian seals in Transcaucasia shows their connections with the area of Lchashen barrows. The fact implies their penetration into Transcaucasia owing to a mighty Near Eastern impetus that marked the formation of Lchashen culture.

Although Transcaucasian seals were synchronous to the Near Eastern ones, the former were used as mere beads or amulets, which is indicative of a relative underdevelopment of Transcaucasian economy at that time. This may have been due to the mass conversion of the bronze metallurgy produce into grave goods. Thus, these time- and labour-consuming articles were literally buried and put out of circulation.

¹⁸ Кушнарёва К.Х. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе // СА. 1957. XXVII. Рис. 8, 2. С. 169; Джафаров Г.Ф. Связи Азербайджана со странами Передней Азии. Табл. III, 2.

¹⁹ Frankfort. Op. cit. Pl. XLIV, b.

²⁰ Джафаров. Ук. соч. Табл. III, 3. С. 36, 37.

²¹ Frankfort. Op. cit. Pl. XXXI, k.